

и представитель той школы государственных людей, которая образовалась тогда в Европе под влиянием Макиавелли. Оправдывая действия своего государя перед венецианским сенатом, он сказал между прочим: «Если бы мне надо было погубить врага, я бы соединился хоть с дьяволом, не только что с турками» (впоследствии этот самый Монлюк увидел неосторожность Францевой политики и порицал ее).

В 38 году Франц заключил с Карлом в Ницце десятилетнее перемирие. К этому перемирию его более всего побудил ропот, поднявшийся против него по случаю связи его с Турцией. Но и здесь при этом перемирии Франц поступил неосторожно. Он находился в это время под влиянием Монморанси; Монморанси убедил его, что гораздо полезнее войны с императором будет для него подавление возникшей во Франции протестантской ереси, уничтожение местных провинциальных привилегий, стеснявших королевскую власть, и, наконец, большее подчинение многочисленного, строптивого дворянства. Франц примирился с Карлом, лично виделся с ним и в пылу увлечения открыл ему замыслы своих прежних союзников—турецкого султана и немецких протестантских князей. Мирные сношения между этими государями продолжались около трех лет. Карл V до того доверился Францу, что в начале 40 г. отправился через Францию в Нидерланды.

В большей части учебников мы непременно найдем рассказы об этом факте и выражение удивления к поступку Карла, оказавшего этой поездкой необычайную доверенность к Францу: событие, которое вовсе не было бы удивительно в наше время, когда государи так обыкновенно и часто ездят по чужим владениям. Удивление же к поступку Карла показывает ясно, как в то время шатки были понятия о правах и безопасности. Этот поступок удивил тогда всю Европу; не было числа анекдотам и подробным рассказам о странном доверии Карла и высокому рыцарском характере Франца. Придворный шут Франца Трибулэ поставил даже императора за этот поступок во главе европейских глупцов. «Но если я точно пройду безопасно?» — спросил его Карл. «Тогда я заменю ваше имя именем короля», — отвечал Трибулэ. Впрочем, можно думать, что сам Франц был не очень тверд в своем великодушии и при большем пребывании Карла в Париже, может быть, не устоял бы против искушения. Но Карл хорошо понимал дело: он скоро уехал в Нидерланды и на возврате оттуда проехал другой дорогой.

Живя в Париже, Карл на словах обещал отдать Милан второму сыну Франца, герцогу Орлеанскому; но, возвратясь, он отдал его своему сыну Филиппу. Отсюда снова возникли раздоры. Между тем в 41 году Карл предпринял второй поход в Африку против Алжира, главного гнезда пиратов, откуда выходил и Барбаросса со своими судами; но экспедиция была неудачна, корабли были истреблены и рассеяны бурей, войска были разбиты. Франц не стыдился открыто обнаружить свою радость при этом печальном для